

# Трансформация общественных идейных течений в современном Китае

**Александр Владимирович Ломанов,**

доктор исторических наук, профессор РАН,  
главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва.  
E-mail: a\_lomanov@hotmail.com

В статье подробно рассматриваются идейные течения, появившиеся в Китае в период реформ. Основное внимание автор уделяет анализу их отличий от официальной идеологии, опираясь на новые публикации китайских обществоведов. Отмечается, что представители «новых левых» критиковали неолиберальную модель реформ, предупреждали об угрозах глобализации и анализировали социальные противоречия в период преобразований. Слиянию этого течения с партийной идеологией мешает чрезмерная критика негативных последствий рыночных преобразований. Широко распространившийся в китайском интернете популизм сформировался на фоне обострения социальных противоречий, однако ему недостаёт теоретической глубины и последовательности. В статье проанализировано течение «исторического нигилизма», которому представители идеологического мейнстрима приписывают «отрицание социалистического строя» под флагом «переосмысления истории». Пропаганду «универсальных ценностей» сторонники официальной идеологии критикуют как инструмент деидеологизации. В качестве конструктивной альтернативы они предлагают «общие ценности», не тождественные идеалам западного политического устройства. Настороженность представителей официальной идеологии в отношении концепции «гражданского общества» обусловлена неолиберальными устремлениями этого течения и влиянием на него ценностей индивидуализма, плюрализма и эгоизма. В китайских научных публикациях подвергают критике сторонников «конституционной демократии», призывающих к реформированию политической системы Китая по западному образцу в целях преодоления коррупции. Новым идейным течением стал консюмеризм, оказавший серьёзное влияние на традиционные представления о потреблении. Власти стремятся развивать экономику за счёт расширения внутреннего потребления, однако исследователи предупреждают, что консюмеризм подрывает официальную идеологию и национальный дух китайцев. Сделан вывод, что существенное усиление идейно-пропагандистской работы привело к маргинализации «неолиберальных» течений наподобие конституционализма и «универсальных ценностей». Заметно выросла интенсивность борьбы с «историческим нигилизмом» в целях защиты исторической легитимности правления КПК.

**Ключевые слова:** КПК, «новые левые», популизм, «исторический нигилизм», универсальные ценности, гражданское общество, конституционная демократия, консюмеризм.

### **Transformation of Social Ideological Currents in Contemporary China.**

**Alexander Lomanov**, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia. E-mail: a\_lomanov@hotmail.com.

The paper examines ideological currents which appeared in China during the reforms. The emphasis is put on the differences from official ideology basing on new publications of Chinese social scientists. It is mentioned that the representatives of the “new left” contributed to criticism of the neoliberal model of reforms, they warned about the threats of globalization and analyzed social contradictions in the period of changes. Excessive criticism of negative consequences of market transformations prevented from fusion with party ideology. Widely spread on Chinese Internet populism grew against the backstage of aggravation of social contradictions although it lacks theoretical depth and consistency. The paper analyses “historical nihilism” which is seen as an attempt to “undo the socialist system” under the pretext of “rethinking history”. Ideas of “universal values” are criticized as a tool of de-ideologization. A constructive alternative to that are “common values” different from the ideals of the Western political system. With regard to the ideas of “civil society”, fears are associated with its neoliberal aspirations and inclinations toward individualism, pluralism and selfishness. Chinese scientific publications criticize the supporters of “constitutional democracy” who call for the reform of the political system according to the Western model in order to overcome corruption. A new ideological current was consumerism which had a serious impact on traditional ideas about consumption. The authorities seek to develop the economy by expanding domestic consumption, but the researchers warn that consumerism undermines the official ideology and national spirit of the Chinese people. It is concluded that strengthening of ideological propaganda brought to marginalization of “neoliberal” currents like constitutionalism and “universal values”. The struggle against “historical nihilism” increased significantly in order to protect historical legitimacy of the regime of the Communist Party of China.

**Keywords:** CPC, new left, populism, historical nihilism, universal values, civil society, constitutional democracy, consumerism.

**В**ступление Китая в эпоху реформ и открытости привело к появлению в обществе разнообразных идейных течений, отличающихся от официальной идеологии и в ряде случаев ей противоречащих. Их изучению китайские авторы уделяют пристальное внимание.

Большую известность обрела классификация Ма Личэна, проанализировавшего восемь течений китайской общественной мысли: идеология социализма с китайской спецификой, «старые левые», «новые левые»,

демократический социализм, либерализм, национализм, популизм и новое конфуцианство [9]. В коллективной работе «Исследования общественной мысли современного Китая» выделены неолиберализм, социал-демократия, культурный консерватизм, национализм, исторический нигилизм и народные верования [15]. В монографии Сунь Найлуна рассмотрены новое конфуцианство, неолиберализм, экзистенциализм и национализм [10].

Все эти достойные внимания обзорные исследования появились в начале нынешнего десятилетия. За это время общественная мысль значительно изменилась под влиянием новых тенденций в официальной идеологии.

В связи с этим значительный интерес для исследователей представляет серия публикаций, увидевшая свет в 2018 г. в общественно-научном журнале «Таньсо», который издаёт Партийная школа комитета КПК г. Чунцин. Данная подборка отражает ситуацию в идейной сфере с учётом результатов XIX съезда КПК, состоявшегося осенью 2017 г. Представленный в настоящей статье обзор современных идейных течений китайского общества опирается на анализ названной серии публикаций.

\* \* \*

Течение «новых левых» (*синь цзопай*, 新左派) ближе всех смыкается с официальной идеологией благодаря критике неолиберальных доктрин в политике и экономике. Данное направление возникло в качестве теоретического ответа на увеличение неравенства и социальной несправедливости в ходе реформ. От нормативной идеологии его отличают повышенное внимание к равенству и справедливости, почитание всеобщей демократии, резкая критика рыночной экономики и популистские устремления [12].

Китайские авторы отмечают, что течение «новых левых» появилось в конце 1990-х гг. в результате раскола «просветительской интеллигенции». Его оппонентами стали приверженцы «нового авторитаризма», поддержавшие осуществление болезненных реформ под жёстким контролем государства. «Новые левые» унаследовали ценности «старой» идеологии социализма, соединив её с современной западной левой теорией. Объектом их критики стали негативные последствия преобразований, включая имущественное расслоение, «утечку» государственных активов, распространение коррупции.

Расхождения с официальной идеологией заключаются в трактовке китайских реформ как реставрации капитализма, а также чрезмерной идеализации эпохи Мао Цзэдуна с её господством государственной собственности, плановой экономикой и демократией масс. Попытки «новых левых» обрести моральное превосходство благодаря защите уязвимых групп населения были восприняты как посягательство на авторитет КПК. Радикальная трактовка открытости внешнему миру как пути к «порабощению» Китая зарубежным капиталом также не вписывалась в нормативные идеологические рамки.

Тем временем умеренное крыло «новых левых» вполне может быть вписано в схемы партийной идеологии. Их подход сочетает заботу о коллективных интересах с защитой индивида, а стремление к общественному идеалу не приводит к полному отрицанию реформ Дэн Сяопина ради восхваления политики Мао Цзэдуна. Подобные взгляды прекрасно соответствуют обозначенному Си Цзиньпином требованию не противопоставлять друг другу период рыночных реформ и дореформенный период строительства социализма. Умеренные левые поддерживают политику партии в деле улучшения жизни людей, защите окружающей среды, борьбе с коррупцией. Во время правления Си Цзиньпина многие из них встали на сторону идеологического мейнстрима.

Настороженность у властей вызывает популистское крыло левого течения, провозглашающее целью «демократию масс» в контексте позитивной оценки практики «культурной революции». Ностальгические рассуждения об успехах того периода в области политической демократии, предотвращения «реставрации капитализма», развития военной науки и техники, а также внешней политики, сопровождаются неприемлемыми намёками на желательность использования инструментов «культурной революции» для решения проблем современного Китая.

Учёные ставят в заслугу «новым левым» критику неолиберальной модели реформ, своевременное предупреждение об угрозах глобализации, анализ противоречий китайского общества в период преобразований. К числу «отклонений» от нормативной идеологии относят стремление встать полностью на позицию коллектива в ущерб индивиду и поставить равенство выше свободы. «Новые левые» видят истоки социального расслоения в рыночных реформах и частном предпринимательстве, предлагая осуществлять народный контроль над распределением общественного богатства. Рассуждения о нелегитимном характере китайской приватизации, якобы проведённой в интересах политической и деловой элиты, основаны на почерпнутой из марксистской классики «теории первородного греха рынка». «Новые левые» опасаются, что рыночные реформы разрушат государственную собственность как основу социалистического строя, ослабят социальную ответственность государства. «Всесторонняя демократия» является для них инструментом, позволяющим противодействовать манипуляции общественными ресурсами со стороны малочисленной элиты, стремящейся к обвальная приватизации госсобственности.

«Новые левые» предупреждали об опасности вхождения Китая в систему международного капитализма. Они рассматривают глобализацию как усиление эксплуатации развивающихся стран западными державами, для чего последние стремятся навязать свою либеральную политическую систему. Эти критические рассуждения во многом напоминают идеи европейских и американских антиглобалистов, поскольку значительная часть китайских «новых левых» получила образование на Западе [2, с. 46].

Китайские исследователи критикуют «новых левых» за утопизм и неоправданное отрицание рыночной экономики. Вместе с тем современные

обществоведы подчёркивают, что исправление этих ошибок позволит данному идейному течению сблизиться с официальным марксизмом и внести свой вклад в продвижение общественного прогресса. Предпосылки для такого диалога есть, поскольку умеренные «новые левые» выступают не против самих реформ, а против их недостатков. Предполагается, что разработка целостной общественной теории и комплексный анализ преобразований будут способствовать сближению данного направления с идеологическим мейнстримом. Если «новые левые» откажутся от «выборочной памяти» о достижениях эпохи Мао Цзэдуна и начнут реалистичнее относиться к проблемам реформ, они смогут существенно укрепить свои позиции по сравнению с прочими неофициальными интеллектуальными течениями современного Китая.

Историческими предшественниками современного китайского *популизма* (*миньцуйчжуи*, 民粹主义) исследователи называют русских народников и выступавших против элиты американских фермеров 1870-х гг. [16]. В КНР данное направление дало о себе знать в период социальной трансформации. На основе составляемых журналом «Жэньминь луньтань» ежегодных докладов о десяти основных идейных течениях в Китае и за рубежом обществоведы сделали вывод о росте влияния популизма: в 2012 г. он был на восьмом месте, а в 2016 г. вышел на первое.

Глубокие изменения в период экономических реформ привели к обострению социальных противоречий, ставших питательной средой для популистских настроений. Стремление части населения выразить своё недовольство привело к распространению в Интернете тенденции «поклонения народу и неприязни к элите». На основе морального суждения формируется коллективная политика, способная выйти из виртуального пространства и перерасти в реальные массовые действия. Анонимные выступления на интернет-форумах и в микроблогах создают описанный у М.М. Бахтина альтернативный, «карнавальный» дискурс. Это течение стремится бранить всякого чиновника, плевать в каждого богача и высмеивать каждого интеллигента. В китайском Интернете стало модным осуждать «первородный грех» богатых людей и в издевательской форме называть безответственных своекорыстных интеллектуалов «знатоками кирпича и кричащими зверями» (*чжуаньцзя цзяошоу*, 砖家叫兽), пародируя уважительное обращение «специалист профессор» (*чжуаньцзя цзяошоу*, 专家教授) [16, с. 95].

Китайские исследователи встревожены тем, что сетевой популизм настраивает общественное мнение на осуждение элиты. Распространяемые в Интернете «хорошо известные» сведения зачастую являются измышлениями, которые становятся инструментами манипуляции. Порицание элит и подрыв их социального влияния в конечном счёте нацелены на повышение авторитета народных масс.

Примерами организованных в Интернете популистских коллективных действий служат реакции на «дело Дэн Юйцяо» (2009) и «дело Яо Цзясиня» (2010). В первом случае общество требовало сохранить жизнь

банщицы, которая зарезала пристававшего к ней чиновника. Во втором — осуждало действия студента, сбившего на автомобиле велосипедистку и потом убившего её ножом, чтобы избавиться от свидетельницы происшествия. Дэн Юйцяо избежала наказания, Яо Цзясинь был казнён.

Зарубежные исследователи отмечают, что в Интернете развернулось крупномасштабное движение в поддержку Дэн Юйцяо. «В общественном мнении Дэн Юйцяо стала воплощением борьбы бедных граждан против коррупции партийных чиновников. Тот факт, что молодая женщина отказалась быть проституткой, сделал её иконой народного сопротивления» [4, р. 150].

Китайские эксперты подчёркивают, что политический популизм в сети Интернет обращает внимание на частные вопросы, но не видит общей картины: выражение воли большинства подменяет рациональные решения, лишает людей способности к компромиссу, создаёт предпосылки для нарушения прав индивида. Национал-популизм выступает под лозунгами защиты интересов народа и государства. В первое десятилетие нашего века к всплескам активности этого течения приводили посещение японским премьером святилища Ясукуни, публикация японских учебников с искажённой трактовкой истории войны против Китая, инцидент с олимпийским факелом в Париже перед играми в Пекине. Концентрация внимания на «внешнем враге» способствовала ослаблению популистской логики внутреннего противостояния между массами и элитой. В Интернете предпринимались небезуспешные попытки организации бойкота иностранных торговых сетей, продемонстрировавшие, что китайский популизм способен влиять на экономику и на взаимоотношения страны с внешним миром.

Данное течение не имеет политических вождей и программы действий. Линии противостояния возникают спонтанно, участники коллективных акций быстро объединяются и столь же быстро рассеиваются. Эксперты воспринимают попытки раскола общества в качестве источника опасности, ведь фактически популисты продвигают не «дуализм» народа и элиты, а «монизм народных масс», они вытесняют демократию посредством продвижения принципа «рациональности большинства», провоцируют к использованию силы. Хотя в Китае прошли долгий путь от русского народничества как популизма в узком смысле к популизму в широком смысле как поклонению массам и критике элиты, понимание «народа» внутри этого течения остаётся «мелкобуржуазным» [16, с. 99].

Исследователи советуют властям воспринимать популизм в качестве общественного барометра, который указывает на трудности в процессе реформ. Его не нужно блокировать, лучше попытаться направить это идейное течение в правильную сторону. Для этого следует расширять использование Интернета в целях воздействия на взгляды и ценности людей, заботиться о социальной справедливости, воспитывать у населения гражданское сознание и чувство ответственности перед обществом.

Истоком нынешнего *исторического нигилизма* (*лиши сюйучжуи*, 历史虚无主义) китайские исследователи считают западный нигилизм [7]. Влиятельным выразителем данной идеологии в европейской философии был Ф. Ницше, не менее важен контекст русской литературы и образ Базарова из романа И. Тургенева «Отцы и дети». «Можно видеть, что, когда в начале XX в. язык нигилизма проник в Китай, это в основном был русский нигилизм. Этот язык в контексте русской литературы обрёл сложное содержание и в определённой степени был связан с практикой политических убийств и революции, во время проникновения в Китай его содержание было очень запутанным» [7, с. 75].

Ранней формой исторического нигилизма в Китае было течение «полной вестернизации», с пренебрежением относившееся к китайской истории и культурному наследию. По мере нарастания революционного движения и распространения марксизма национальное самоуважение и гордость китайцев возросли, что привело к ослаблению влияния нигилистических идей. Они возродились в период реформ и открытости, когда Китай стал объектом внимания со стороны внешнего мира. Ныне исторический нигилизм обрёл политическое содержание, он нацелен на «искажение марксизма» и «отрицание социалистического строя» под предлогами «переосмысления истории», «появления новых материалов» и «восстановления исторической правды».

Китайский исследователь Ван И напоминает, что в Германии нигилизм появился из-за утраты доверия к традиционным ценностям на фоне проведения ускоренной модернизации под давлением внешних факторов. Параллель с Китаем начала XX в. состоит в том, что запоздалая модернизация отсталой страны стала стимулом для поспешной вестернизации. Ницшеанская «смерть Бога» трансформировалась в китайский призыв «разрушить конфуцианскую лавочку». В конце XX в. проникшая в Китай в период реформ идеология западного постмодернизма затронула не только философию, литературу и языкознание, но также сферу изучения истории, порождая среди интеллектуалов моду на отрицание исторических закономерностей и причинно-следственных связей между историческими событиями. Питательную среду для распространения нигилизма создала утрата людьми прежних духовных ценностей в процессе рыночных реформ.

Причиной расширения влияния исторического нигилизма называют западную гегемонию, основанную на колониальных войнах. Оправдание Западом легитимности своего господства ведёт к созданию буржуазией выдуманной истории человеческой цивилизации, к нигилистическому «опустошению» истории социалистических стран. Китайские исследователи предостерегают: если революционный класс не будет бороться за право истолковывать и излагать прошлое, то возобладает альтернативная историческая логика, согласно которой в Китае не должно было быть восстания ихэтуаней, равно как и любых других революционных движений,

направленных против внешней агрессии, борющихся за национальное освобождение и независимость, не говоря уже о китаизации марксизма и движении по пути социализма.

Предполагается, что течение исторического нигилизма неизменно очерняет Мао Цзэдуна, выступает с нападками на марксизм, расшатывает исторические основы легитимности правления КПК, отрицает революцию и восхваляет реформы. Оно проникает в литературу и искусство, где в погоне за коммерческой выгодой появляются вульгарные «игровые» образы исторических деятелей. Методы постмодернизма, используемые современными СМИ, способствуют переходу людей к «фрагментированному чтению», что, в свою очередь, ведёт к распространению данной идеологии. Так, сомнения в реальности «пятерки горы Ланъя» и последующие судебные иски стали «типичным проявлением исторического нигилизма в современном общественном мнении» [7, с. 80].

Имеется в виду официальное патриотическое повествование о пяти солдатах 8-ой армии, созданной в период Войны сопротивления Японии из вооружённых сил КПК. В 1941 г. они сражались до последнего, уничтожили несколько десятков японцев, а потом прыгнули с горы, чтобы не сдаваться в плен. Историк Хун Чжэнькуай в 2013 г. напечатал в журнале «Яньхуан чуньцю» несколько статей, в которых поставил под сомнение обстоятельства происшедшего и количество убитых врагов. Сыновья двух солдат из «пятерки горы Ланъя» подали против него судебные иски. В июне 2016 г. суд района Сичэн в Пекине постановил, что Хун Чжэнькуай должен принести извинения, его публикации основаны на «недостаточных исторических свидетельствах», а покушение на историю героев «наносит ущерб духовным ценностям китайской нации» [3]. Вскоре в редакции журнала «Яньхуан чуньцю» произошла смена сотрудников, издание перестало печатать скандальные статьи на исторические темы.

По мнению китайских исследователей, ответом на подобные инциденты должно стать усиление контроля в сети Интернет, а также введение наказания за искажение истории КПК, дискредитацию героев революции и распространение ложных слухов. Одновременно в духе решений партии необходимо использовать новые СМИ для позитивного воздействия на общественное мнение, пропаганды истории КПК, укрепления исторической идентичности народа, создания в Интернете «мощного патриотического единого фронта».

Течение «*универсальных ценностей*» (*пуши цзячжи*, 普世价值) подвергается в Китае критике как отражение западной либеральной идеологии и как инструмент идеологической экспансии, способный нанести ущерб национальной идентичности [11]. Китайские авторы возводят истоки «универсальных ценностей» к древнегреческой культуре и христианству, в качестве идеологического феномена они появились в КНР в начале 1990-х гг.

Темой обсуждения данное течение стало в 2007 г., когда китайские учёные начали спор о месте «универсальных ценностей» в этике



и философии. Широкая общественная полемика развернулась после того, как 22 мая 2008 г. газета «Наньфан чжоумо» заявила, что активные действия государства по оказанию помощи жертвам землетрясения являются выполнением «принятых перед всем миром обязательств» следовать «универсальным ценностям», «вместе со всем миром по большому пути продвигаться к правам человека, верховенству закона и демократии». Тогда же возникло предположение, что данная дискуссия знаменует «дальнейшее развитие движения демократизации в Китае» [5, p. 889].

По мнению китайских исследователей, можно выделить две трактовки «универсальных ценностей». В массовом дискурсе они выражают некие общие идеи, наподобие «олимпийского духа», единения людей ради оказания помощи жертвам стихийных бедствий или тезиса «один мир, одна мечта». В политическом дискурсе это проповедь буржуазной идеологии, нацеленная на подрыв власти КПК, отказ от социализма и вытеснение марксизма. Сюда входит пропаганда западной трактовки либеральной демократии и прав человека; данное течение смыкается с неолиберализмом, принципами «конституционной демократии», рассуждениями о «конце идеологии». Опора на «универсальность» позволяет трактовать социалистические ценности демократии, свободы, равенства, справедливости не как элементы современной китайской идентичности, а как результат отказа КПК от традиционной марксистской идеологии, как последствие попытки правящей партии идти в ногу со временем.

К теоретическим устоям рассматриваемой идеологии критики относят признание «абстрактной природы человека», «вечной неизменности» субъекта ценностей, превращение западной демократии в единственное мерило оценки развития мировой политической цивилизации. Языковая логика «универсальных ценностей» ассоциирует западную демократию со свободой, правами человека, равенством, справедливостью и всеми прочими позитивными ориентирами, к которым стремится человечество. Эти рассуждения оправдывают западное вмешательство в дела других стран, ценностную и идеологическую экспансию. Лозунги «права человека выше суверенитета», «интересы человечества превыше всего», «демократия универсальна» становятся ключевыми факторами, оказывающими влияние на поведение людей. В китайском контексте «универсальные ценности» порождают заявления о том, что реформы в КНР нацелены на создание свободной рыночной экономики и «конституционной демократии».

Течение «универсальных ценностей» подвергается критике как инструмент деидеологизации. Считается, что в его основе лежит западная теория конвергенции социализма и капитализма, проникшая в Китай в 1980-х гг. Соединение данной теории с рассматриваемым направлением в 1990-х гг. открыло путь для рассуждений о том, что между социализмом и капитализмом формируется пространство сходных ценностей. В этом контексте «конвергенция» означает неизбежность реформирования китайского социализма в направлении рынка и либеральной демократии. Призыв к изучению и заимствованию преимуществ капитализма

в процессе реформирования социализма в условиях экономической глобализации и научно-технической революции ускоряет «сближение» социалистической системы с внешним миром, сглаживает фундаментальные противоречия между двумя общественными системами.

Критики предостерегают, что тезис о приведении социализма и капитализма к «золотой середине» вводит людей в заблуждение, поскольку способствует распространению западной демократии и ослаблению позиций официальной идеологии. С этой точки зрения китайская версия «универсальных ценностей» вобрала в себя не только западные идеи неолитерализма, гуманизма и универсализма, но также новое конфуцианство. Её сторонники используют «дарованные небом» «вечные» «абсолютные» права человека, чтобы бросить вызов марксистской социально-исторической концепции не вечных и не дарованных свыше прав. Они считают, что частная собственность является наиболее соответствующей человеческой природе разумной универсальной экономической системой, и потому Китай должен полностью отказаться от государственной собственности. Их похвала в адрес западных принципов свободы, демократии и прав человека превращается в инструмент ослабления и вытеснения основных социалистических ценностей. По мнению китайских исследователей, урок бывших социалистических стран показывает, к каким последствиям это может привести. «Горбачёв в соответствии с буржуазной свободой, демократией, равенством и другими „универсальными ценностями“ реформировал КПСС и социалистический строй, что привело к социальному беспорядку и распаду страны, в итоге породив историческую трагедию распада СССР и изменений в Восточной Европе» [11, с. 88].

Чтобы побороть влияние идеологии «универсальных ценностей» внутри Китая, эксперты предлагают создавать «китайские ценности» и «китайский дискурс», продвигать «общие ценности» (*гунтун цзячжи*, 共同价值) в интересах строительства «сообщества судьбы человечества» (*жэньлэй минъюнь гунтунти*, 人类命运共同体). «Общие ценности» основаны на исторической и реалистической трактовке человеческой природы, на признании разницы в уровнях развития между странами и многообразия моделей их развития. Это позволяет стремиться к единству при сохранении собственной индивидуальности, отказавшись от гегемонии и узости основанных на идеологии абстрактного гуманизма «универсальных ценностей». «Общие ценности» возникают на базе широкого консенсуса равноправных субъектов, способных консультироваться и сотрудничать друг с другом. Внутри «общих ценностей» заложены китайские формулировки и воззрения, что позволяет улучшить имидж Китая во внешнем мире, а также содействовать развитию мировой цивилизации.

Идейное течение «гражданского общества» (*гунминь шэцхуэй*, 公民社会) китайские авторы связывают с западной общественной теорией и практикой [13]. Оно стремится к политической демократизации, выступает в защиту индивидуальных прав и свобод граждан, указывает на необходимость свободного функционирования рыночных механизмов,

призывает к расширению сферы применения консультативной демократии на низовом уровне, отстаивает концепцию независимого общественного самоуправления, поддерживает многообразие в идеологии и культуре.

Исторические корни этого течения восходят к 1990-м гг., когда на Западе усиленно пропагандировали верховенство свободы и прав человека. Повышению интереса к данной теме способствовала заметная роль структур гражданского общества в трансформации бывших социалистических стран. Когда в начале 1990-х гг. Китай приступил к созданию системы социалистической рыночной экономики и реформированию традиционной модели отношений между государством и социумом, возникли благоприятные условия для активизации поисков в области теории «гражданского общества».

Китайских авторов тревожит присутствие в данном течении «идеологических генов западного неолиберализма», которые способны увести социальные перемены в ошибочном направлении под влиянием ценностей индивидуализма, плюрализма и эгоизма. Сторонники «гражданского общества» всячески поддерживают «абсолютное верховенство» прав и свобод индивида, они ставят человека выше государства, вменяя в обязанность последнему защищать его права, включая «священное и неприкосновенное» право частной собственности. Подобный подход для китайского идеологического мейнстрима является односторонним, поскольку игнорирует принцип взаимного соответствия и единства прав и обязанностей граждан.

Тезис о разделении общества и государства ведёт к заключению, что в процессе китайских реформ должно быть создано негосударственное регулирование рыночных механизмов. С точки зрения сторонников «гражданского общества», правительство может вмешиваться в экономику лишь для предотвращения её падения, тогда как нормальное долгосрочное развитие должно опираться исключительно на свободную конкуренцию и частные инвестиции. Правительство не должно управлять экономикой, ему следует отказаться от использования административных рычагов по отношению к рынку.

С точки зрения критиков, подобные идеи противоречат опыту китайской модернизации. Они предупреждают, что без государственного регулирования рыночная экономика будет развиваться в направлении создания монополий, это приведёт к потрясениям, кризисам и разрушению производительных сил. Без вмешательства власти начнётся имущественное расслоение, станет невозможно защитить социальную справедливость и обеспечить процветание для всех групп населения.

Несогласие вызывает тезис о том, что механизмы «гражданского общества» являются необходимой предпосылкой осуществления консультативной демократии на низовом уровне с перспективой продвижения в сторону конституционного правления. Китайская низовая демократия может оказаться иллюзией, если не принимать во внимание ограниченность

консультативного механизма. Консультативная демократия не обязательно приведёт к всенародному равенству, она может разложиться и превратиться в путь к анархии и «рабству» по отношению к западной конституционной демократии. «Гражданское общество» представляет политический инструмент, с помощью которого западные страны экспортируют данную форму правления, это «современное издание западного культурного колониализма» [13, с. 93].

Утверждения сторонников «гражданского общества» о том, что государство есть «необходимое зло», а социум воплощает «безусловное добро», не вписываются в господствующую тенденцию укрепления власти КПК и рецентрализации государственной системы. Критики настаивают, что концепцию «гражданского общества» невозможно отделить от западной политической идеологии, и это порождает неизбежный конфликт с китайской реальностью. Цели независимого существования индивида, расширения плюрализма в идеологии и культуре превращаются в механизмы «подрыва устоев» власти КПК в народных массах.

Это проявляется в попытках использования западной теории «гражданского общества» для того, чтобы под предлогом развития низового самоуправления в Китае побуждать местные и поселковые комитеты к выходу из-под партийного руководства. В частности, американские неправительственные организации (НПО) — Международный республиканский институт (International Republican Institute) и Центр Картера (The Carter Center) — упрекают в том, что под флагом «демократической реформы» они проводили в Китае идейную работу среди масс на низовом уровне, наблюдали за выборами и «помогали» сельским жителям в создании и реформировании органов самоуправления. На деле они вели простых людей к «осуществлению конституционной демократии западного образца». Зарубежные НПО якобы используют возникающие в Китае проблемы для подстрекательства людей к массовым выступлениям, подаче жалоб, насилию и даже самоожжению для создания «уличной политики» [13, с. 95].

Идейное течение «гражданского общества» предстаёт как источник умышленного разжигания конфронтации между людьми, обострения классовых противоречий, выведения заурядных социальных проблем на общегосударственный уровень с целью разорвать связь между КПК и народом, ослабить основы долгосрочного правления партии. По мнению критиков, именно это происходит вместо обещанного ненасильственного и структурированного выражения интересов, расширения социального участия различных групп населения. Акцент на противопоставлении государственной власти и общества неизбежно ведёт низовые общественные организации к отрыву от «правильного руководства партии и правительства», «не позволяет гарантировать эффективность низового общественного управления».

Идеологов рассматриваемого течения укоряют в трактовке китайских проблем с помощью западного неолиберального дискурса.

Предполагается, что они чрезмерно приукрашивают западную модель гражданского общества, преподносят её как универсальную ценность и создают на этой основе «политический миф социальной трансформации Китая». Правильный путь состоит в развитии рыночной экономики под контролем государства, институционализации консультативной демократии на низовом уровне, создании в Китае сбалансированной модели «сильное государство — сильное общество».

По мнению исследователей, в идеологии «гражданского общества» всё же есть позитивные стороны, которые после «научного анализа» и «языковой трансформации» можно использовать в Китае. Это касается защиты прав граждан, развития рыночной экономики, укрепления политической демократии на низовом уровне, повышения потенциала общественного управления. Однако китайские авторы призывают ни в коем случае не допустить её использования в качестве инструмента западной стратегии «мирного перерождения» страны.

Пустившая корни в Китае западная идеология «конституционной демократии» (*сяньчжэнь миньчжэу*, 宪政民主) затрагивает фундаментальные проблемы права, общественной системы и организации политической власти. Особое значение для западного конституционализма имеют многопартийная система, парламентская демократия и принцип разделения властей. На этой основе китайские исследователи приравнивают распространение в стране идей конституционной демократии к пропаганде политического неолиберализма в целях ослабления руководства КПК и отказа от социалистической системы [8].

В Китае конституционализм делят на два направления, базирующихся на различных концепциях. Одно выступает за правление на основе социалистической конституции, другое — за вестернизацию. Радикальные вестернизаторы считают американскую модель политического устройства «универсальной ценностью» и указывают на необходимость превращения западного конституционализма в необратимую тенденцию развития Китая. Они добиваются исключения из конституции КНР положений о руководстве КПК и приверженности пути социализма на основании их несовместимости с западным пониманием конституционного правления. Умеренные выступают за постепенную реформу, они не ставят под сомнение основополагающие статьи нынешней конституции, принимая во внимание вопрос политической приемлемости.

Китайские «конституционалисты» подчёркивают, что правящая партия не имеет регистрации и статуса юридического лица. Чтобы получить конституционную легитимность, она должна быть «создана по конституции» и осуществлять своё правление в соответствии с основным законом. Важным аргументом в пользу создания многопартийной системы выступает коррупция среди чиновников, которую используют как инструмент критики несменяемой власти КПК. Сторонники конституционного правления выступают за «департизацию» и «огосударствление» армии по западному образцу. Помимо этого, звучат пожелания обеспечить независимость

судебной системы путём ограничения права судей на членство в КПК и на создание партийных организаций в судебных органах и прокуратуре.

Критики отмечают, что «конституционалисты» начинают с темы борьбы с коррупцией, после чего выражают сомнение в эффективности китайской избирательной системы. Сторонники «конституционной демократии» рекомендуют ввести всенародные выборы, которые позволят продемонстрировать способности и моральные качества кандидатов. Западная конституционная теория обрела в стране существенное влияние, при этом некоторые из её выразителей стали проводниками планов Запада в отношении Китая. Их упрекают в игнорировании того факта, что лишь централизованное руководство КПК способно гарантировать единство страны, обеспечить стабильность в обществе и дальнейшее экономическое развитие. Китайские исследователи полагают, что исключение из советской конституции ст. 6 о руководящей роли КПСС привело к распаду страны, с негативными последствиями которого современная Россия борется до сих пор. Делается вывод, что «развитые страны Запада пытаются через „конституционную реформу“ устроить в Китае „цветную революцию“» [8, с. 109]. Попытка скопировать западный политический строй вновь превратит Китай в кучу «разрозненного песка», приведёт к расколу страны, сделает невозможным осуществление национального возрождения.

Исследователи признают, что между конституционным правлением в КНР и в капиталистических странах Запада существует общность, которая требует, в частности, чтобы правящая партия управляла государством в соответствии с конституцией, подчёркивала авторитет основного закона. Однако при этом необходимо видеть разницу и не смешивать одно с другим. Западные идеи конституционной демократии допустимо использовать для справки и заимствовать из них лишь то, что соответствует китайским условиям. Таким образом, «китайская мечта не является западной конституционной мечтой», конституционная демократия не должна быть целевой моделью политической реформы в Китае [8, с. 110].

Начало правления Си Цзиньпина совпало с 30-летним юбилеем конституции КНР, что подвигло реформаторов к призыву сделать соблюдение основного закона «консенсусом реформ» [1, с. 12]. Однако попытки отождествления «китайской мечты», провозглашённой партийно-государственным лидером, с «мечтой о правлении на основании конституции» привели к усилению критики в адрес «конституционалистов» и их отчуждению от идеологического мейнстрима.

Новой темой в исследовании общественных идейных течений современного Китая стал *консюмеризм* (*сяофэйчжунь*, 消费主义), оказавший серьёзное влияние на традиционные представления о потреблении. С одной стороны, власти стремятся поднимать экономику за счёт расширения внутреннего спроса, вследствие чего вклад потребления в её развитие становится очевидным. С другой стороны, китайские исследователи предупреждают, что консюмеризм подрывает официальную идеологию и национальный дух жителей страны [14].

В Китае консюмеризм начали исследовать ещё в 1980-е гг., однако серьёзное внимание на это течение обратили только в наши дни в связи с политикой расширения внутреннего спроса и более полным освоением западных теорий потребления. Среди учёных нет единого мнения о том, является данное направление отражением «болезненного» либо «нормального» состояния общества.

Трактовка консюмеризма как разновидности идеологии современного капитализма приводит к выводу, что в настоящее время Китаю он не подходит. Это течение прокладывает себе путь через разрушение традиционной китайской потребительской этики, воспитание настроенных на потребление «современных людей» посредством критики традиционной бережливости и обоснования её «устаревания». Проблема заключается в том, что традиция «почитания бережливости» и «осуждения расточительности» относится не только к древней китайской культуре, но и к этическим стандартам КПК. Полный отказ от прежних привычек «сперва трудиться, потом потреблять», заранее накапливать излишек и «чинить крышу до того, как пойдёт дождь» может лишить китайцев их уникальных духовных качеств.

Экономический рост предоставляет людям богатый выбор товаров, доступность кредитования позволяет наслаждаться и потреблять ещё до того, как будут накоплены деньги. Сторонники консюмеризма подчёркивают, что люди должны отказаться от бережливости. Память о том, как в прошлом столетии китайцы страдали от дефицита и покупали товары по карточкам, даёт возможность приравнять критическую трактовку консюмеризма как проявления роскошества и гедонизма к «левацким ошибкам».

Акцент на консюмеризме ведёт к преувеличению ценности потребления, приравниванию его к «добродетели». Поскольку в рамках правительственной политики потребление приводит к росту экономики, также не следует кидаться в другую крайность и объявлять его «злом». Важно найти баланс и не допустить отчуждения человеческой личности. Сплетение с идеологией консюмеризма традиционной китайской «культуры лица», т.е. создаваемой и поддерживаемой в рамках иерархии индивидуальной репутации, превращает Китай в крупного мирового потребителя предметов роскоши, что заметно контрастирует с относительно невысоким уровнем ВВП на душу населения.

В контексте консюмеризма роскошь символизирует статус человека, поэтому в Китае в число покупателей «люксовых» товаров входят люди не только с высоким, но со средним и низким доходом. Стремление к обладанию предметами роскоши при отсутствии достаточного количества денежных средств захватывает людей в возрасте до 40 лет, их потребительское поведение носит ярко выраженный показной характер. Исследователи обеспокоены тем, что молодёжь втягивается в гонку за престижными брендами в ущерб собственному развитию, в итоге страна может лишиться энергичных и способных к инновации кадров.

Получается, что те, кто тратит на потребление много времени и денег, окружены уважением и завистью. Напротив, трудолюбивые скромные люди кажутся отставшими от жизни, им сочувствуют или даже презируют. Подобные тенденции трудно совместить с настроем КПК на ограничение роскошного образа жизни чиновников, требованиями следовать жёстким критериям экономии и осуждением расточительности. Растут опасения, что консюмеризм будет подрывать нормативную идеологию на уровне подспудных жизненных ценностей. Стремление к потреблению как высшей цели и формирование «потребительской зависимости» будет разрушать волю людей, их способность к борьбе, размывать культуру общества.

Жителям Китая недостаёт осознания экологических ограничителей потребления. Они зачастую становятся объектами манипуляции. Консюмеризм также усугубляет проблему разрыва между богатыми и бедными. В фильме «Мелкие времена» (*Сяо шидай*, 小时代, 2013) есть эпизод, в котором звучит предложение повысить цены в кафе, куда приходят студенты, чтобы «отфильтровать» лишних и создать у оставшихся посетителей «чувство превосходства». Мечты о потребительском изобилии не отрицают реальности, в которой присутствует несправедливость в распределении доходов. Поляризация уровней потребления оказывается ярким показателем социальной дифференциации в Китае, которая явно не соответствует основным характеристикам социализма.

Исследователи призывают направить усилия на адаптацию китайского принципа бережливости к реалиям новой эпохи, чтобы соединить потребности людей с осознанием уровня экономического развития общества, экологических ограничителей, необходимости сбережения ресурсов. Они рекомендуют формировать и пропагандировать в Китае концепцию разумного устойчивого потребления, которое должно быть совместным, т.е. учитывающим опасность разобщающего фактора имущественного расслоения без возвращения к уравнительному распределению. Таким образом, традиционный дух бережливости должен быть унаследован на новом уровне с учётом перспективных задач социального развития страны.

\* \* \*

В китайской идеологии сохраняется осязаемое присутствие «дискурса стабильности — нестабильности», который сочетает два основных тезиса: стабильность как общественное благо может предложить лишь сильная централизованная государственная власть, тогда как при расшатывании или демонтаже нынешней однопартийной системы сохранить её будет невозможно [6, p. 122]. Оценка идейных течений современного Китая авторами журнала «Таньсо» постоянно сопровождалась суждениями о том, что бесконтрольное развитие того или иного направления мысли способно привести к подрыву власти КПК, отказу от социализма и марксизма.



Примечательной особенностью нового подхода к идейным течениям китайского общества выступает их анализ с точки зрения «безопасности идеологического мейнстрима». Существенное усиление идейно-пропагандистской работы КПК привело к неизбежной маргинализации в общественном идейном пространстве «неолиберальных» течений наподобие «конституционализма» и «универсальных ценностей». Заметно выросла актуальность борьбы с «историческим нигилизмом», направленной на предотвращение ослабления авторитета КПК, опирающегося на историю революции, гражданской войны и строительства социализма в прошлом столетии.

### ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бергер Я.М. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 3—18.
2. Карнеев А.Н. «Чунцинская модель»: что это было? Часть 2 // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 45—52.
3. Chinese Court Orders Apology Over Challenge to Tale of Wartime Heroes // New York Times. June 28, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/29/world/asia/china-hong-zhenkuai-five-heroes.html> (дата обращения: 02.06.2019).
4. Popular Politics and the Quest for Justice in Contemporary China / ed. by Brandtstädter S., Steinmüller H. Oxford: Routledge, 2017. 178 p.
5. Qi Jianmin. The Debate over “Universal Values” in China // Journal of Contemporary China. 2011. Vol. 20, iss. 72. P. 881—890.
6. Zeng Jinghan. The Chinese Communist Party’s Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. XII, 237 p.
7. 王翼. 历史虚无主义思潮透析 = Ван И. Анализ идейного течения исторического нигилизма // 探索. 2018. № 2. С. 74—81.
8. 李栗燕, 宋红团. 宪政民主论的理论实质与中国裂变 = Ли Лиянь, Сун Хунтуань. Теоретическая сущность конституционной демократии и распад Китая // 探索. 2018. № 1. С. 101—110.
9. 马立诚. 当代中国八种社会思潮 = Ма Личэн. Восемь общественных идейных течений современного Китая. Пекин: 社会科学文献出版社, 2011. 380 с.
10. 孙乃龙. 社会意识形态危机与规避 = Сунь Найлун. Кризис и уклонения общественной идеологии. Пекин: 中国社会科学出版, 2013. 244 с.
11. 胡媛媛. “普世价值”思潮的话语霸权及其消解之道 = Ху Юаньюань. Дискурсивная гегемония «универсальных ценностей» и путь её преодоления // 探索. 2018. № 2. С. 82—90.
12. 竟辉. 中国新左派思潮的当代解析 = Цзин Хуэй. Современный анализ китайского течения «новых левых» // 探索. 2018. № 1. С. 111—119.
13. 祖密密. “公民社会”思潮及其理论和实践误区 = Цзу Мими. Идейное течение «гражданского общества», его теоретические и практические заблуждения // 探索. 2018. № 2. С. 91—100.
14. 赵玲, 高品. 消费主义的中国形态及其意识形态批判 = Чжао Лин, Гао Пинь. Форма консюмеризма в Китае и его идеологическая критика // 探索. 2018. № 2. С. 65—73.
15. 朱汉国, 方明东, 方艳华, 光梅红, 霍晓玲, 朱云河. 当代中国社会思潮研究. = Чжу Ханьго, Фан Миндун, Фан Яньхуа, Гуан Мэйхун, Хо Сяолин, Чжу Юньхэ.

Исследования общественной мысли современного Китая. Пекин: 北京师范大学出版社, 2012. 373 с.

16. 袁婷婷. 民粹主义的中国境遇 = Юань Тинтин. Популизм в китайской ситуации // 探索. 2018. № 1. С. 93—100.

## REFERENCES

- Berger Ya.M. K itogam XVIII s'ezda KPK: preemstvennost' i obnovenie kursa [Results of the 19<sup>th</sup> Congress of the CPC: Continuity and Renovation of the Course]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 1, pp. 3—18. (In Russ.)
- Karneev A.N. "Chuntsinskaya model": chto eto bylo? Chast' 2 ["Chongqing Model": What Was It? Part 2]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2013, no. 4, pp. 45—52. (In Russ.)
- Chinese Court Orders Apology Over Challenge to Tale of Wartime Heroes. *New York Times*. June 28, 2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/06/29/world/asia/china-hong-zhenkuai-five-heroes.html> (accessed 02.06.2019). (In Eng.)
- Popular Politics and the Quest for Justice in Contemporary China*. Ed. by Brandtstädter S., Steinmüller H. Oxford, Routledge Publ., 2017, 178 p. (In Eng.)
- Qi Jianmin. The Debate over "Universal Values" in China. *Journal of Contemporary China*, 2011, vol. 20, iss. 72, pp. 881—890. (In Eng.)
- Zeng Jinghan. *The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion*. Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2016, XII, 237 p. (In Eng.)
- 王翼. 历史虚无主义思潮透析 [Wang Yi. Analysis of Historical Nihilism]. 探索, 2018, no. 2, pp. 74—81. (In Chin.)
- 李栗燕, 宋红团. 宪政民主论的理论实质与中国裂变 [Li Liyan, Song Hongtuan. The Theoretical Essence of Constitutional Democracy and China's Dissolution]. 探索, 2018, no. 1, pp. 101—110. (In Chin.)
- 马立诚. 当代中国八种社会思潮 [Ma Licheng. Eight Kinds of Social Ideological Currents in Contemporary China]. Beijing, 社会科学文献出版社 Publ., 2011, 380 p. (In Chin.)
- 孙乃龙. 社会意识形态危机与规避 [Sun Nailong. Social Ideology Crisis and Avoidance]. Beijing, 中国社会科学出版社 Publ., 2013, 244 p. (In Chin.)
- 胡媛媛. "普世价值"思潮的话语霸权及其消解之道 [Hu Yuanyuan. Discursive Hegemony of "Universal Values" and Its Overcoming]. 探索, 2018, no. 2, pp. 82—90. (In Chin.)
- 竟辉. 中国新左派思潮的当代解析 [Jing Hui. Contemporary Analysis of the New Left Thought in China]. 探索, 2018, no. 1, pp. 111—119. (In Chin.)
- 祖密密. "公民社会"思潮及其理论和实践误区 [Zu Mimi. "Civil Society" Thought and Its Misinterpretations in Theory and Practice]. 探索, 2018, no. 2, pp. 91—100. (In Chin.)
- 赵玲, 高品. 消费主义的中国形态及其意识形态批判 [Zhao Ling, Gao Pin. The Chinese Form of Consumerism and Its Ideological Critique]. 探索, 2018, no. 2, pp. 65—73. (In Chin.)
- 朱汉国, 方明东, 方艳华, 光梅红, 霍晓玲, 朱云河. 当代中国社会思潮研究 [Zhu Hanguo, Fang Mingdong, Fang Yanhua, Guang Meihong, Huo Xiaoling, Zhu Yunhe. Research of Social Ideological Currents in Contemporary China]. Beijing, 北京师范大学出版社 Publ., 2012, 373 p. (In Chin.)
- 袁婷婷. 民粹主义的中国境遇 [Yuan Tingting. Populism in China's Situation]. 探索, 2018, no. 1, pp. 93—100. (In Chin.)